

Яков БЕЛИНСКИЙ

ШАХТЕР

В земные недра, в горы,
Добрая кругу твердь,
Великий труд шахтера
Распахивает дверь.

Пусть антракит проснется!
Глядят из темноты
Прескованного солнца
Наклонных пласти.

Чтоб дать его народу,
Чтоб в стужу мир согреть, —

На снимке — три друга: буряки шахты № 4 рудника «Молебня», Тирны-Аусского комбината. Кабардино-Балкарской АССР. Слева направо: Абду Аллов, проходящий у нас практику китайский горняк Ий Зиань-чон и Николай Юрин.

Фото В. Темина

Этих дней не смолкнет слава

ВETERANS Красной гвардии пришли по-защера в зал Центрального Дома Советской Армии на вечер, организованный Советским комитетом ветеранов войны, чтобы отметить славное сорокалетие Красной гвардии.

В празднике — старейший деятель нашей партии Г. И. Петровский, «открытий собрание, старые бывшие виновники В. П. Антонов-Саратовский, А. Д. Блохин, В. И. Россинский, В. И. Ростовцев, И. Г. Батышев, И. Н. Григорьев, Ф. Г. Воропаев, Герой Советского Союза А. П. Маресьев, Л. М. Павличенко, генералы В. П. Алексеев и А. Н. Сабуров, представители делегаций старейших коммунистов Чехословакии. Ведет собрание вице-президент Академии наук СССР академик К. В. Островитянов — в 1917 году он был членом штаба Красной гвардии Замоскворецкого района.

Выступившие со своими воспоминаниями участники октябрьских событий в Москве рассказали о боевых делах красногвардейцев. Герои Советского Союза — члены Советского комитета ветеранов войны и представители Советской Армии — говорили о подвигах солдат и офицеров Советской Армии в боях Великой Отечественной войны. Представители делегаций старейших коммунистов Чехословакии Матей Дропа выразил чувства любви и глубокого уважения к ветеранам Красной гвардии, ко всему советскому народу.

И во всех этих выступлениях звучала общая мысль: всеми возможными средствами предотвратить угрозу новой войны.

Ветераны войны говорили о мире. О мире, который позволит сохранить и уничтожить завоевания, которые ценой крови народной добты сорок лет тому назад.

Советская Армия в со-заняна не только нашего народа, но и всего прогрессивного человечества — прежде всего армия-защитница.

Традиции гуманизма, традиции уважения к культурным ценностям на Советской Армии идут от Красной гвардии. Ярко и интересно рассказал об этом бывший начальник штаба вооруженных сил Преснен в октябрьские дни 1917 года М. Златоверов. В напряженных боях против контреволюционеров московские красногвардейцы оставили стратегически выгодную позицию в здании Большого театра, чтобы сохранить театр от разрушения. «В самый разгар боя в районе Куринской площади, — рассказал тов. Златоверов, — мне на огневую позицию приполз сержант с запиской Московского ревкома, чтобы я лично позаботился и не допустил разрушения дома Шаляпина — огнем наших или противника». Тов. Златоверов вспоминает, как в жестоком бою у Никитских ворот красногвардейцы дрались с противником в горящем доме и как выносили оттуда всех раненых — и своих, и врагов.

И. СЕГЕДА

События и комментарии

Две Америки

ВАНГЛИЙСКОЙ газете «Дэйли мэйл» два дня назад появилась статья, полная тревоги за репутацию и честь... Соединенных Штатов Америки. Оказывается, этой деревне грозит «пропагандистское поражение» — к выгода и радости коммунистов. Там разразился очередной, крайне грязный скандал судебного процесса по делу порнографического журналиста «Конфиденса». Этот процесс, по мнению «Дэйли мэйл», дает советской пропаганде прекрасную возможность «изобразить» Соединенные Штаты как «разлагающиеся, аморальные, неврастеническую страну», в которой «одна из важных областей деятельности (речь идет о кинематографической промышленности) находится в руках развратников, пьяниц и извращенных сексуальным отношением людей».

Можно сразу успокоить британских друзей США. Советская печать не «ухватится» за этот скандальный процесс, как предсказывает, недалеко-зроякая «Дэйли мэйл». Смакование гнусных и непристойных подробностей личной жизни знаменных актрис газеты нашей страны не занимается. Этим занимается, наоборот, пресса американской. Именно этой «важной области деятельности», то есть в печати, выходящей миллионы тиражами, и происходит то самое, что каждодневно позорит Америку, бросает мрачную тень на американский «образ жизни».

Мы придерживаемся высокого, уважительного мнения об американском народе, как и о народах других стран.

По случайному совпадению, именно в сегодняшнем номере нашей газеты публикуются чудесные народные песни Америки, вернее, лишь несколько песен из той большой серии, с которой познакомили людей разных стран молодые американские певцы на недавнем фестивале в Москве. Это — творчество миллионов простых людей США, поэтому из рядов рабочего класса и фермерства, это — подлинное художественное богатство американского трудового народа. К сожалению, песни эти, полные чувств, верных наследий, глубоких мыслей и чистой лирики, исполняются в США преимущественно на задворках рабочих квартир, в маленьких аудиториях, в тесном кругу семьи, перед товарищами по наружной борьбе. О них не шумят американские прессы, их не популаризуют радиокомпании, они не стали и не могут стать выгодным бизнесом.

Есть «другая» Америка, которая и шумит о себе, которая выдает себя за «единственный», «подлинный», которая и рекламирует свои мерзости на весь мир. Она представлена, в частности, журналом «Конфиденс». Четыре года назад это издание основали беззастенчивые дельцы с уголовным, полицейским или наиболее позорным «политическим» прошлым: в редакцию журнала они перекочевали непосредственно из канцелярии фашиста Маккарти. Печать эти подонки общества рассматривают лишь с точки зрения извлечения легкой на-живы! Но что может дать эту на-живу? Очевидно, игра на самых низ-

менных инстinctах человека, — по мнению предпринимчивых бизнесменов. «Программа» журнала предусматривает сообщать со всеми подробностями детали альянской жизни разных людей, преимущественно знаменитостей — кинозвезд и миллиардеров; рекламировать «медицинские средства», действующие в трех основных «направлениях»: вызывать похудение, способствовать выкидышам, превращать черную кожу в белую. Бессстыднейшая порнография и подпольная «медицинка» должны были соединяться с... антикоммунистической пропагандой.

Цели достигнуты. Журнал распространяется по стране в количестве, превышающем 4 миллиона экземпляров. Каждый экземпляр «дает» издателям 14,5 цента чистой прибыли. В каждом номере публикуются пять или шесть скандальных сообщений о любовных связях голливудских актеров и актрис с чужими музыкантами или жеющими, с их шоферами, буффетчиками, боксерами. Рядом печатается по меньшей мере одна «антимонументическая» статья, посторонняя, как правило, в том же скандально-порнографическом плане. Так, одна из них под заголовком «Красная возлюбленная Роберта Оппенгеймера» сообщала, что у известного атомного физика Оппенгеймера было когда-то роман с коммунистической пропагандой.

И вот что еще любопытнее: «пострадавшие» от неприличных разоблачений наиболее влиятельные деятели американской кинопромышленности не выразили малейшего беспокойства, хранили гробовое молчание. Процесс им «поглезен». Газета «Дэйли миррор» свидетельствует: «Зрелищной промышленности благоприятствует реклама, а Голливуд получает эту рекламу в колоссальных дозах благодаря процессу «Конфиденс». Эту же мысль подчеркивают «Нью-Йорк таймс» и «Дэйли ньюс».

«Дэйли мэйл» предсказывает — вот эта Америка одержима сексом и отупевшим от пьянства, имея в виду самые смачные гнусности, публикующиеся на американской печати. Но мы не интересуемся писаниями журнала «Конфиденс». Он фотографирует и описы-

вает самые нечестные подробности из жизни американских граждан. Компрометируя т. Америку самый факт этой публикации, тот страшный и позорный факт, что буржуазная пресса, кино, телевидение, привыкавшие маской «свободы печати», отправляют сознание молодежи, всего населения, тщательно, под давлением невидимой, но явно существующей «организованной силы» сосредоточивающей его внимание на уголковщине, порнографии, на всем том, что позволяет и принижает человека.

Однако главное вот в чем. Издатель журнальчика Гаррисон заявил в последнем номере «Конфиденса»: мое издание соответствует «лучшим традициям американской журналистики». Сейчас, под маской репортажа о процессе в Лос-Анджелесе, вся реакционная американская пресса, выхodящая в десятках миллионов экземпляров, распространяет в огромных, фантастических дозах скабрезные подробности, грязные и непристойные сведения, ранее обнародованные журналом «Конфиденс». Вся печать США тоже делает бизнес на этом процессе.

И вот что еще любопытнее: «пострадавшие» от неприличных разоблачений наиболее влиятельные деятели американской кинопромышленности не выразили малейшего беспокойства, хранили гробовое молчание. Процесс им «поглезен». Газета «Дэйли миррор» свидетельствует: «Зрелищной промышленности благоприятствует реклама, а Голливуд получает эту рекламу в колоссальных дозах благодаря процессу «Конфиденс». Эту же мысль подчеркивают «Нью-Йорк таймс» и «Дэйли ньюс».

«Дэйли мэйл» предсказывает — вот эта Америка одержима сексом и отупевшим от пьянства, имея в виду самые смачные гнусности, публикующиеся на американской печати. Но мы не интересуемся писаниями журнала «Конфиденс». Он фотографирует и описы-

вает самые нечестные подробности из жизни американских граждан. Компрометируя т. Америку самый факт этой публикации, тот страшный и позорный факт, что буржуазная пресса, кино, телевидение, привыкавшие маской «свободы печати», отправляют сознание молодежи, всего населения, тщательно, под давлением невидимой, но явно существующей «организованной силы» сосредоточивающей его внимание на уголковщине, порнографии, на всем том, что позволяет и принижает человека.

Однако главное вот в чем. Издатель журнальчика Гаррисон заявил в последнем номере «Конфиденса»: мое издание соответствует «лучшим традициям американской журналистики». Сейчас, под маской репортажа о процессе в Лос-Анджелесе, вся реакционная американская пресса, выхodящая в десятках миллионов экземпляров, распространяет в огромных, фантастических дозах скабрезные подробности, грязные и непристойные сведения, ранее обнародованные журналом «Конфиденс». Вся печать США тоже делает бизнес на этом процессе.

И вот что еще любопытнее: «пострадавшие» от неприличных разоблачений наиболее влиятельные деятели американской кинопромышленности не выразили малейшего беспокойства, хранили гробовое молчание. Процесс им «поглезен». Газета «Дэйли миррор» свидетельствует: «Зрелищной промышленности благоприятствует реклама, а Голливуд получает эту рекламу в колоссальных дозах благодаря процессу «Конфиденс». Эту же мысль подчеркивают «Нью-Йорк таймс» и «Дэйли ньюс».

«Дэйли мэйл» предсказывает — вот эта Америка одержима сексом и отупевшим от пьянства, имея в виду самые смачные гнусности, публикующиеся на американской печати. Но мы не интересуемся писаниями журнала «Конфиденс». Он фотографирует и описы-

вает самые нечестные подробности из жизни американских граждан. Компрометируя т. Америку самый факт этой публикации, тот страшный и позорный факт, что буржуазная пресса, кино, телевидение, привыкавшие маской «свободы печати», отправляют сознание молодежи, всего населения, тщательно, под давлением невидимой, но явно существующей «организованной силы» сосредоточивающей его внимание на уголковщине, порнографии, на всем том, что позволяет и принижает человека.

Однако главное вот в чем. Издатель журнальчика Гаррисон заявил в последнем номере «Конфиденса»: мое издание соответствует «лучшим традициям американской журналистики». Сейчас, под маской репортажа о процессе в Лос-Анджелесе, вся реакционная американская пресса, выхodящая в десятках миллионов экземпляров, распространяет в огромных, фантастических дозах скабрезные подробности, грязные и непристойные сведения, ранее обнародованные журналом «Конфиденс». Вся печать США тоже делает бизнес на этом процессе.

И вот что еще любопытнее: «пострадавшие» от неприличных разоблачений наиболее влиятельные деятели американской кинопромышленности не выразили малейшего беспокойства, хранили гробовое молчание. Процесс им «поглезен». Газета «Дэйли миррор» свидетельствует: «Зрелищной промышленности благоприятствует реклама, а Голливуд получает эту рекламу в колоссальных дозах благодаря процессу «Конфиденс». Эту же мысль подчеркивают «Нью-Йорк таймс» и «Дэйли ньюс».

«Дэйли мэйл» предсказывает — вот эта Америка одержима сексом и отупевшим от пьянства, имея в виду самые смачные гнусности, публикующиеся на американской печати. Но мы не интересуемся писаниями журнала «Конфиденс». Он фотографирует и описы-

вает самые нечестные подробности из жизни американских граждан. Компрометируя т. Америку самый факт этой публикации, тот страшный и позорный факт, что буржуазная пресса, кино, телевидение, привыкавшие маской «свободы печати», отправляют сознание молодежи, всего населения, тщательно, под давлением невидимой, но явно существующей «организованной силы» сосредоточивающей его внимание на уголковщине, порнографии, на всем том, что позволяет и принижает человека.

Однако главное вот в чем. Издатель журнальчика Гаррисон заявил в последнем номере «Конфиденса»: мое издание соответствует «лучшим традициям американской журналистики». Сейчас, под маской репортажа о процессе в Лос-Анджелесе, вся реакционная американская пресса, выхodящая в десятках миллионов экземпляров, распространяет в огромных, фантастических дозах скабрезные подробности, грязные и непристойные сведения, ранее обнародованные журналом «Конфиденс». Вся печать США тоже делает бизнес на этом процессе.

И вот что еще любопытнее: «пострадавшие» от неприличных разоблачений наиболее влиятельные деятели американской кинопромышленности не выразили малейшего беспокойства, хранили гробовое молчание. Процесс им «поглезен». Газета «Дэйли миррор» свидетельствует: «Зрелищной промышленности благоприятствует реклама, а Голливуд получает эту рекламу в колоссальных дозах благодаря процессу «Конфиденс». Эту же мысль подчеркивают «Нью-Йорк таймс» и «Дэйли ньюс».

«Дэйли мэйл» предсказывает — вот эта Америка одержима сексом и отупевшим от пьянства, имея в виду самые смачные гнусности, публикующиеся на американской печати. Но мы не интересуемся писаниями журнала «Конфиденс». Он фотографирует и описы-

вает самые нечестные подробности из жизни американских граждан. Компрометируя т. Америку самый факт этой публикации, тот страшный и позорный факт, что буржуазная пресса, кино, телевидение, привыкавшие маской «свободы печати», отправляют сознание молодежи, всего населения, тщательно, под давлением невидимой, но явно существующей «организованной силы» сосредоточивающей его внимание на уголковщине, порнографии, на всем том, что позволяет и принижает человека.

Однако главное вот в чем. Издатель журнальчика Гаррисон заявил в последнем номере «Конфиденса»: мое издание соответствует «лучшим традициям американской журналистики». Сейчас, под маской репортажа о процессе в Лос-Анджелесе, вся реакционная американская пресса, выхodящая в десятках миллионов экземпляров, распространяет в огромных, фантастических дозах скабрезные подробности, грязные и непристойные сведения, ранее обнародованные журналом «Конфиденс». Вся печать США тоже делает бизнес на этом процессе.

И вот что еще любопытнее: «пострадавшие» от неприличных разоблачений наиболее влиятельные деятели американской кинопромышленности не выразили малейшего беспокойства, хранили гробовое молчание. Процесс им «поглезен». Газета «Дэйли миррор» свидетельствует: «Зрелищной промышленности благоприятствует реклама, а Голливуд получает эту рекламу в колоссальных дозах благодаря процессу «Конфиденс». Эту же мысль подчеркивают «Нью-Йорк таймс» и «Дэйли ньюс».

«Дэйли мэйл» предсказывает — вот эта Америка одержима сексом и отупевшим от пьянства, имея в виду самые смачные гнусности, публикующиеся на американской печати. Но мы не интересуемся писаниями журнала «Конфиденс». Он фотографирует и описы-

вает самые нечестные подробности из жизни американских граждан. Компрометируя т. Америку самый факт этой публикации, тот страшный и позорный факт, что буржуазная пресса, кино, телевидение, привыкавшие маской «свободы печати», отправляют сознание молодежи, всего населения, тщательно, под давлением невидимой, но явно существующей «организованной силы» сосредоточивающей его внимание на уголковщине, порнографии, на всем том, что позволяет и принижает человека.

Однако главное вот в чем. Издатель журнальчика Гаррисон заявил в последнем номере «Конфиденса»: мое издание соответствует «лучшим традициям американской журналистики». Сейчас, под маской репортажа о процессе в Лос-Анджелесе, вся реакционная американская пресса, выхodящая в десятках миллионов экземпляров, распространяет в огромных, фантастических дозах скабрезные подробности, грязные и непристойные сведения, ранее обнародованные журналом «Конфиденс». Вся печать США тоже дел

ЛЮБИТЕЛИ «ЛЕГКОЙ ЖИЗНИ»

В «СОВЕТСКОЙ России» 21 августа 1957 года опубликован проект Закона об усиливании борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами. В нем справедливо говорится, что в советском обществе, где ликвидирована социальная основа для паразитического существования, не должно быть тунеядцев и бездельников. Предлагаемый в проекте меры борьбы с этим злом — активное общественное воздействие и меры государственного принуждения — находят горячее ободрение трудящихся. Можно по праву сказать, что содержание будущего Закона (а в нем, несомненно, войдет все ценное, что предложат советские люди во время обсуждения) рождено великой общественностью. Задолго до опубликования проекта Закона читатели неоднократно высказывали предложения об усиливании борьбы с любителями «легкой жизни». Мысли многих и многих читателей выражены в своем ежемесячном письме «Спекуляция на чистоте» («Л. Г.» от 23 сентября 1954 г.) гвардии капитан И. Дамаскин. «Нужно развенчать тунеядцев», — писал он, — независимо от маски, которую они нацепили на себя. Когда попрошайка перестанет окружать сочувствие, когда он увидит презрение советских людей и поймет, что только честным трудом может вернуть себе потерянное уважение, тогда перестанет раздаваться на улицах, в трамваях осипший, пропитой голос: «Дай браток, вымешу фронтовику на апохмелку».

Многочисленные отклики читателей на это письмо, разделявших с И. Дамаскином воззрение тунеядцами любых видов, говорят о том, что пришло время оформить законодательным путем борьбу с антиобщественными, паразитическими элементами.

Наши народные обсуждения проекта этого Закона, мы публикujemy отклики писателя Г. Гребнева. Трудно не согласиться с автором, что именно бездельничество уродует душу человека, приводит его к преступлениям против общества.

С ОЗНАЮСЬ, читая виновную часть проекта Закона, круто не немедленно собирались толпа. Серебробы женщины говорили:

— Опять!.. Скорую помощь надо позвать!.. Гришкины друзья успокаивали публику:

— Не трожьте его. Он припадочный. Скорее пройдет..

Спектакль завершился гришкина потрепанной кепкой, пущенной по рукам публики: «на лечение больного». Давали не все, ибо чиновники руки уже успевали почтить некоторые карманы еще до появления гришкиной кепки.

Углубляясь в суть еще не родившегося Закона, я постепенно отказывался от этой мысли, ибо перед моими глазами вставали великовата ли она? Надо ли говорить о таких бесспорных вещах, как отсутствие безработицы в наше время, рост материального благосостояния советских людей, то есть доказывать, что в условиях нашей социалистической жизни нет оправдания антиобщественным и паразитическим элементам, ищущим «легкой жизни» за чужой счет?

Углубляясь в суть еще не родившегося Закона, я постепенно отказывался от этой мысли, ибо перед моими глазами вставали великовата ли она? Надо ли говорить о таких бесспорных вещах, как отсутствие безработицы в наше время, рост материального благосостояния советских людей, то есть доказывать, что в условиях нашей социалистической жизни нет оправдания антиобщественным и паразитическим элементам, ищущим «легкой жизни» за чужой счет?

А вот эпизод недавнего времени. В пригородном поезде через вагоны шумной вереницы проходят попрошайки: симулянты, пьяницы, лиловые погромщики в пальтах. Вместе с ними входит длинный, черный, опущший от пьянки субъект. Выйдя в вагон, он сует пассажирам свою левую руку, на которой нет двух пальцев. Люди как-то торопливо и смущенно дают ему деньги. Вот он остановился около пассажирки, глубоко поклоненного в размышлении, и сунул ему под нос бесплодную руку. Пассажирка (я знал ее — он был аспирантом историко-архивного института) подняла глаза и услышала хриплый голос:

— Подай, браток, инвалиду Великого Отечественного...

Аспирант показал глазами на наружный карман своего пиджака...

— Вот здесь... Возьмите...

Попрошайка ловко запустил здоровую руку в карман аспиранта и вытащил трехрублевку.

— Взяли? — спросил аспирант.

— Спасибо, браток, — засинел довольный «инвалид».

— Вот видите, — сподойно сказал аспирант. — Вы смогли взять из кармана чужие деньги, а я... — Он движением груди распахнул наброшенный на плечи пиджак и показал обрубки вместо рук, на которых рука сорочки были подвернуты выше локтей, — а я даже своих собственных денег, честно много заработанных, достает из кармана не могу...

Весь вагон притих, слушая этот разговор. И вдруг спокойные слова беззубого аспиранта, инвалида Отечественной войны, в этой типичной подействовали, как внезапно разворачивающаяся граната. Люди, до того участливо или бездумно сдавшие деньги нескончаемой веренице попрошайки, заговорили громко и возмущенно:

— Это безобразие!.. Пьяницы мерзкие!

— Всё получают же подлинные инвалиды пенсии от государства! Да и работают могут!

Молодой атлет в голубой тениске встал со своего места, подошел к наглецу-вымогателю, вытигнувшись и вздрогнул.

— Туда будет нужна помощь: мы должны помочь: мы можем дать

им сказать, что сами готовы, что можем дать

тому, кто здесь у себя ми — победителю!

Когда один, другой, десятый, сотый город скажет, что и он победил, что и он готов к помощи, — только тогда победа. Деревня побеждает вспомогательно:

— Это знаем и ликорадочно готовимся к решающим дням.

И ВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЕ железнодорожники по всему обширному узлу привозили немалую пользу в Октябрьские дни. Они всегда были с рабоче-солдатским Советом, имели в нем своих представителей, ничем не делали попирали его воли, обо всем договаривались вовремя...

Высыпалась из сил, чинили паровозы и вагоны; спрашивали машущими поездами, гнали их за хлебом...

В самую горячую восстания они первыми в Москву наши рабочие отряда помогали москвичам... Железнодорожники на своих предоктабельских собраниях говорили то же, что ткачи, они были также готовы к действию.

В ГОРОДЕ стоял 199-й запасный полк. В нем 11, 12, 14-я роты — обучены из них и готовы одна лишь 11-я... Ну что ж, и одна рота при случае сделает немалое дело.

— Солдаты! Товарищи! Вам, может быть, в близком будущем придется выступать... Подполе и гнилые правительство не хочет, да и не может отдать трудовому народу все, что принадлежит ему по праву...

— Давно бы так, — крикнул кто-то из серой массы...

— Долой предателей...

О стены к стене по каменному холодному коридору метались грозные лозунги, ухали призывающие, торжественно и гордо вырывались из застылая над серошинелью массой святыми клятвы иди на бой...

Л ИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 102

пользовали в своих целях враги. Он был арестован органами госбезопасности, как разведчик одной иностранной державы.

А Гришка Вертуха? Я знал его лично, видел, как, попавший в тюрьму и вовлеченный там в драматическую заключенных, Гришка Вертуха на сцене тюремного клуба выступил в роли полуумного Тюхса в пьесе Леонида Андреева «Савва». Играл он талантливо.

В дни своей литературной молодости я написал несколько рассказов о таких людях, как Гришка Вертуха, и о нем самом. Эти рассказы прочел в рукописи Алексея Максимовича Горького и спросил меня:

— Вы не придумали этого Гришки?

— Нет, — ответил я. — Мне пришлось наблюдать его в течение целого года.

Горький задумался.

— А ведь это и впрямь, наверное, был талантливый парен...

Гришкину мальчику, читавшему на пристани восторженную статью неумного фельетониста о себе — Дивертисменте. Из талантливого паренка он превратился в тунеядца. И разве не повинен был в этом тот вредный либерализм, что проявляли к нему окружающие! И стоит ли удивляться, что испорченного паразитической жизнью парня ис-

пользовали в своих целях враги. Он был арестован органами госбезопасности, как разведчик одной иностранной державы.

А Гришка Вертуха? Я знал его лично, видел, как, попавший в тюрьму и вовлеченный там в драматическую заключенных, Гришка Вертуха на сцене тюремного клуба выступил в роли полуумного Тюхса в пьесе Леонида Андреева «Савва». Играл он талантливо.

В дни своей литературной молодости я написал несколько рассказов о таких людях, как Гришка Вертуха, и о нем самом. Эти рассказы прочел в рукописи Алексея Максимовича Горького и спросил меня:

— Вы не придумали этого Гришки?

— Нет, — ответил я. — Мне

пришлось наблюдать его в течение целого года.

Горький задумался.

— А ведь это и впрямь, наверное, был талантливый парен...

Гришкину мальчику, читавшему на пристани восторженную статью неумного фельетониста о себе — Дивертисменте. Из талантливого паренка он превратился в тунеядца. И разве не повинен был в этом тот вредный либерализм, что проявляли к нему окружающие! И стоит ли удивляться, что испорченного па-

нем ничего, напишите, как, по-видимому, должна была сложиться жизнь вот такого явно одаренного мальчика в наше советское время.

— Я полагаю, что в рассказе ему надо настоящим актером стать. И советские люди должны ему помочь в этом...

— Правильно! И вы против живописи не погрешите никаком. Если ваш Гришка Вертуха не стал актером, то у нас, в Советской стране, он вполне мог стать им...

...Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнились эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнились эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

«Мог сказать, если бы воспитателем Гришки стал труд. Мне вспомнился эти слова великого человека:

</div

ОЧЕРКИ ОБ ОЧЕРКЕ

ВРЕМЯ от времени раздается страстное утверждение: очерк — художественная литература. Возражений не бывает, но удивительное дело: проходит время, и опять повторяются жаркие доказательства, что очерк принадлежит искусству. Почему же тезис, как будто не оспариваемый, приходится доказывать снова? От кого приходят очерки его защитники?

От очерклистов.

Литературная наука не досаждала очерку вниманием, но теперь вышли две книги о нем — В. Родиакова «Советский поэтический очерк» и Е. Журбина «Искусство очерка», изданные «Советским писателем». И это уже хорошо...

«...Пол флагом очерка, — пишет В. Родиаков, — в газетах и журналах изо дня в день появляется целое море таких материалов, которые не имеют никакого отношения к искусству, к литературе, и этих самим подвергается до верки в очерк как в искусство...»

Во многом полемизирующая с ним Е. Журбина на этот счет согласна: «...В газетах и журналах широко бытуют такого рода описательные, перечислительные записи, и имиаются очень часто очерками. Это происходит по прямому попустительству редакций, которым нужно этой раз в том что ни стало заполнить пустующую рубрику. Пора сказать, что это не очерки».

Согласимся. Скажем. Легче станет? Остановится поток произведений, приемляемых за очерки авторами, редакциями, большинством читателей? Появится качество? Авторы обеих книг отдалились бретигной фразой: «Это не очерки!» Надо добавить: и не станут очерками, если литераторы будут по-прежнему их не замечать.

С той же «скабинетностью» обе книги мало помогают очерклисту в самом остром и нужном — изучении материала. В. Родиаков, разобрав почеркчины, большинством читателей? Появится качество? Авторы обеих книг отдалились бретигной фразой: «Это не очерки!» Надо добавить: и не станут очерками, если литераторы будут по-прежнему их не замечать.

В. Родиаков лишь по случаюному поводу покрещись алзом историками очерка: личное наблюдение, беседы с людьми, документы всех видов. У Е. Журбины для всего сложного источниковведения очерков не нашлось такой сковородочки. С самого начала, с процесса собирания и изучения материала очерклист предоставлен самому себе.

Знание жизни — конечно, не просто механическое наполнение суммы фактов, а понимание их взаимосвязей. Очень худо, если очерклист перенесет фантазии или Купру повернет в Черное море, но не лучше, если он за мелочами проносит глазное или умилится, когда надо звонить прокурору. Очерклист восхищенно декламирует, как по «стальной реке» плывут составы со стройматериалами в глухую вчера Сибирь. А надо судить виновных за дальние перевозки. Полиний советский очерклист — не барабанщик на параде, а народный ревизор. В. Родиаков понимает это, судя по упреку пишущим о целине, которые за романтикой покорения новых мест «еще не видели по-настоящему экономического содержания этой темы». Но сам он изменяет «деловому, активному» пущешествию в новое», приведя фразу М. Шатиня о Южисбе как пример вторжения писательницы в жизнь:

«...Новую сибирскую широтную магистраль — на юго-запад нашего Союза, с новым выходом через Волгу (быть может, у Волги) к самому Донбассу, словно обручила девственные жалко Абакана с могучими старым лондонским углем или бойкую кирзовскую руду с молчанием и сильным углем Кузбасса. Магистраль от Кузбасса до Донбасса!»

Совсем не на тем сооружается этот путь, чтобы гомять «девственные железа» из Хакасии на Украину, а «бойкую» придонскую руду в Кузбасс. И угорь по нему не будет возить ни «от Кузбасса до Донбасса!», ни во встречном направлении. Очерклист, вероятно, случайно ошиблась, увлекшись. Но на подобном уровне экономических знаний «опиралась» и некоторые недавние атаки против районирования экономического руководства. Вместо того чтобы объяснять неуместность такой декламации, В. Родиаков восторгается сам: «Этот общий экономический фон, отлично понятый писательницей, дает ей возможность правильно решить частную задачу — выбрать варианта

трассы. Исследователи расходятся в определении специфики очерка. Спор, собственно, идет об акценте: В. Родиаков подчеркивает фактическую обоснованность, Е. Журбина — публицистическую заостренность. Не стремясь к роли арбитра, можно отметить несомненно положительные моменты, согласованные спорщиками: что не факт сам по себе, а его осмысление делает очерк очерком; что образность и публицистичность не противостоят друг другу как некие несовместимые стихии.

Создан Совет литературных объединений

В МОСКВЕ и столичной области имеются десятки литературных объединений и групп. Среди них ровесники — «Баловьевка» и «Московский автозаводец», которые будут праздновать скоро свое тридцатилетие, и совсем еще молодой «Московский комсомолец». Все объединения находятся в профессиональной помощи, постоянно творческой учебе.

Недавно президентом Московского отделения Союза писателей СССР принял решение о создании Совета литературных объединений Москвы и Московской области.

— Какие задачи будут стоять перед Советом? —

этим вопросом наш корреспондент обратился к председателю Совета литературных объединений Ю. Чепурину.

— Уже в момент создания Московского отделения, — сказал Ю. Чепурин, — одной из главных своих задач мы считали объединение вокруг нашей организации молодых литературных сил. С этой целью провели узел всех литературных объединений и собрали руководителей крупнейших из них совместно с активом. Этой встречей, деловой и бурной, остались довольны обе стороны, хотя нам и пришлось выслушать немало справедливых критических

замечаний. Затем было проведено выездное заседание президиума московской организации на Автозаводе имени Лихачева.

Наша следующая встреча с руководителями литературы, — сказал Ю. Чепурин, — одной из главных своих задач мы считали объединение вокруг нашей организации молодых литературных сил. С этой целью провели узел всех литературных объединений и собрали руководителей крупнейших из них совместно с активом. Этой встречей, деловой и бурной, остались довольны обе стороны, хотя нам и пришлось выслушать немало справедливых критических

подготовке сборника рассказов непрофессиональных авторов. Дело это, конечно, очень кропотливое, но благодарное.

Надо позаботиться и о разнообразии форм работы с начинающими литераторами. Наиболее важной стороной нашей деятельности будет установление индивидуального шефства писателей над молодежью, основанного на взаимных творческих симпатиях. Раз в два месяца будем проводить собеседование мастеров литературы с молодыми авторами.

Проверкой наших усилий являются три сборника, о которых я только что говорил.

Е. Журбина правильно замечает, что значение композиции в очерке усиливается. Именно композиционная беспомощность массы очерков очевидна. Где же очеркисту научиться композиции, как не в книге «Искусство очерка»? Тщетная надежда. Что такое композиция вообще, он еще сможет прочесть в общей теории литературы, но в композиции очерка ему остается руководствоваться знаменитым лозунгом из «Двенадцати стульев» насчет самодельности угощающих. Несколько строк В. Поттератского в статье «Заметки об очерковом году» («Наш современник», № 2, 1957), по крайней мере, указывают принципу композиционной рыхлости — захлестывания очеркиста фактами, но вершины сказать — не право, а обязанность.

Заботясь о чистоте жанра, Е. Журбина не раз грозит строгой карой за нарушение его законов и границ, забыв собственное правило: утверждение о незамкнутости границ? Формирование нового литературного жанра «не было уходом от искусства, а, напротив, включением в сферу искусства нового материала». И вперед могучий мастер будет смело ломать жанровые перегородки, выращивая мичуринский гибрид, за который будут спорить Очерк и Рассказ, а посредственным ремесленником родят ублода, которого вымученным выдумкам лишит документальной ценности, а убогая протокольность выведет из искусства.

Но исследователи очерка не стоят сидеть в затворе (дома), воображение — не единственный способ выражения.

Исполненное любви к человеку, страстного пафоса, большой творческой силы, искусство мексиканских графиков прочно стоит на позициях реализма. Художники ищут и находят вдохновение в жизни простого человека. Подлинная монументальность и обобщенность, острота типизации и высокое идейное звучание определяют силу воздействия этого искусства.

В сегодняшнем номере газеты мы воспроизведем две работы мексиканского художника Артура Гарсия Бустоса «Крестьянин» и «Латинская Америка».

ДОБРОГО ПУТИ! СТИХИ ПАВЛА ХАЛОВА

ЛУЧШИЕ стихи хабаровского поэта Павла Халова — это живые приметы увиденного, прочувствованного им самим, это вззволнованное выражение пережитого, это живая крупица современности.

П. Халов — молодой человек, и восприятие мира у него молодое, острое и я бы сказал, принципиальное. Он любит землю, носящую имя Советской России. Он любит людей работы, понимает и умеет изображать внутренний мир своих героев. Ему ненавистны всякого рода прихлебатели, смотрящие на нашу жизнь сквозь черные очки бездельников и хулиганов. Молодой поэт бросает им в лицо:

Каково же смотреть нам слушать теперь,
Если люди, не несшие наших потерь,
Если люди, не знающие нашей беды,
Если люди, невшие нашей еды,
Надеяя сейчас дорогое пальто.
Говорят, улыбаясь ехидно: «Но то...»

Павел Халов, несмотря на свою молодость, прошел легкий путь, но трудности его закалили, и он сердцем поверил, что Родина, Советская Россия — это превыше всего. Он гордится тем, что родился в России, и клинется делом и поэтическим словом подтверждать свою действенную любовь к родной земле.

Он обладает поэтическим даром, умением найти образную и конкретную строку, лучшие его стихи достоверны и поэтичны. Многие из стихотворений П. Халова еще не совершенны, им подчас недостает композиционной завершенности, точности слова. В них иногда поэтическая находка соседствует с трагифомвой выражения мысли, с прimitивностью рифмовки, но те подлинно поэтические золотинки, которые блестят среди «словесной руды», говорят, что перед нами молодой, формирующийся поэт.

Желаю Павлу Халову неустанных поисков, недолгих, рожденных настойчивых требовательных трудом.

Сергей СМИРНОВ

ЖЕНЕ ДРУГА

Вы ушли из-под отцовской крыши,
Выбором знакомых горячих.

До сих пор вам мама скорбно пишет:
— Как, мол, милиционки харчи?

Не зарплаты, не билеты бесплатный,
И не пара дармовых сапог,
Просто полюбился безвозвратно
В милиционской форме паренек.

Он, не зная отдыха и срока
(У него и праздников-то нет),
Слишком часто уезжал далеко,
У дверей проверяя пистолет.

И за десять лет совместной жизни
Твой ван не доверял — не свои,
Много говорил о коммунизме
И, пожалуй, мало о любви...

Нет. Не может в этом быть ошибки:
В углах его усталых глаз
Вижу я счастливую улыбку,
Если он мне говорит о вас.

ПОСЛЕ РАБОТЫ

В это время обиженно ронут моторы:
Красный свет зажигает заря в светофорах,
И на всех перекрестках идет идет
Повелителей дорог городских — пешеход.

Он слегка утомлен,
Он немножко помят,
Он устало сдвигает кепочку назад.
Но дороже стократ мне и ближе такой —
Мой земляк, что шагает с работы домой.

Стал спокойней, уверенней взгляд земляка,

И походка не та,

И весомой рука,

И от шутки, которой не поняли б днем,

Мы сейчас с земляком улыбнемся вдвоем.

У афиши одной помолчим, постоим...

И толкнувшись у кассы друг другу простим,

Мы друг другу уступим сиденье в трамвае...

— Кто такой он?

— Прожожий. Его я не знаю...

Но не только весна нас сдружила сейчас.

Это просто хорошее чувство плеча.

Мы ведь с ним, не работая в месте одном,

Что-то общее сделали за день вдвоем.

**

Я знал, что это

Моя страна,

Кусочек моей страны —

Урюк, акация

И письмен:

Вдоль древней, как мир, стены.

Газоны, подстриженные в кружок,

И белый, как снег, дувал.

Чайханчик кричит мне:

— Ха-а-рош чак!

Э-э-э, заходи, Иван!

Вот так же встречают друзей у нас —

Радушью не видно дна.

Я знал,

Но чувствовал только сейчас,

Что это моя страна.

Веселый чайханчик, одетый пестро,

Кричит: — Эй, утрак, заходи,

За час мы вспомним вечер

в костром

И пахнущий Русью дым...

БЕЗ ЯСНОСТИ

Журнал «Искусство кино» (№ 7) познакомил своих читателей со взглядами Александра Анникса на социалистический реализм. Но все дела знакомые — новые, и как простой прохожий, постового Степенико называл и на «ны»... «Манилок стук, звонки из кабинетов, «В руках», «в наряд» — теперь мое вчера... Я вороную тяжесть пистолета Сменил на верность чукотку пера. И пусть меня надрывают выводят Из картотек и списков всех подряд, Я вместе с вами буду на разводе — Мон стихи теперь пойдут в наряд. И если я когда-нибудь забуду, На чьей земле дают мне есть и пить, — Разворшив стихов фальшивых груд, Как дезертира, можете судить.

Читая журнальные...

Но все дела знакомые — новые, и как простой прохожий, постового

Степенико называл и на «ны»... «Манилок стук, звонки из кабинетов, «В руках», «в наряд» — теперь мое вчера...

Я вороную тяжесть пистолета Сменил на верность чукотку пера.

И пусть меня надрывают выводят Из картотек и списков всех подряд, Я вместе с вами буду на разводе — Мон стихи

теперь пойдут в наряд. И если я когда-нибудь забуду, На чьей земле дают мне есть и пить, —

Разворшив стихов фальшивых груд, Как дезертира, можете судить.

Путаница № 3. Спелки А. Анникста все возрастает. Далее выясняется, что наше искусство и по содержанию его не добилось многого.</

Клеветники за работой

А ЛЮБОМ конкурсе антисоветских лжецов, буде такой состояться, венеские бульварные газеты «Нейер курир» и «Бильд-телефаг» вполне могут претендовать на призы этого места. Их под силу составлять с самыми выносившими соперниками. Слов нет: порой очень трудно перевернуть некоторых коллег-конкурентов из западной буржуазной печати. Но перевернуть «Нейер курир» и «Бильд-телефаг» еще труднее. Эти газеты лгут без ущерба, часто и много, хотя большой фантазии и не обладают. В хриплом хоре газетных клеветников их голоса выделяются особенно взглупо.

21 августа газеты «Нейер курир» и «Бильд-телефаг» преподнесли читателям — на первых страницах, под сенсационными заголовками — очередную антисоветскую фальшивку. В драматических тонах они расписали «саботаж в австрийских нефтяных районах», будто бы организованный при участии «советских шпионов».

Но на сей раз клеветники были тут же уличены во лжи. Уже на следующий день австрийские газеты опубликовали официальное опровержение министерства внутренних дел Австрии по поводу фальшивок «Нейер курир» и «Бильд-телефаг». В нем говорится:

«По имеющимся данным, сообщения некоторых газет о якобы имевшем место шпионаже и саботаже в австрийских нефтяных районах лишины всякого основания. Министерство внутренних дел имело возможность констатировать, что эти слухи исходят от одного афериста в области информации, который известен в течение нескольких лет».

Клевету на Советский Союз эти две венеские газеты давно сделали своим грязным промыслом. Аферисты в области информации систематически поставляют им всевозможные антисоветские басни, одна другой наглее.

Судя по заявлению министерства внутренних дел, австрийским властям известно имя автора новой фальшивки. Газета «Нейер Эстерн» называет этого человека «двойным агентом», который служит нескольким иностранным разведкам, в том числе американской «Си-Аи-Си». Странное впечатление производят попустительство австрийских властей подметной деятельности заведомых провокаторов в венеских газетах. Уж не пользуются ли антисоветские измышления молчаливым одобрением?

A. M.

В эти дни трудающиеся Румынии отмечают великий национальный праздник — День освобождения родины от фашистского игра. В 1944 году условия победоносного наступления Советской Армии румынский народ под руководством своей Коммунистической партии поднял восстание и сверг военно-фашистскую диктатуру. Тринадцать лет новой Румынии — годы расцвета во всех областях ее экономики и культуры. Сегодня еженедельник румынских литераторов — «Газета литерар» рассказывает советским читателям о достижениях румынской литературы и искусства.

Демостене БОТЕЗ

ПОДСОЛНЕЧНИК

День будущий вспыхивает из тумана,
В глаза мне бьет лучами золотыми.
Все люди ныне стали мне родными,
И жизни теперь, как никогда, желанна.

В грядущее влечется непрестанно
Мильоны помышленными своими.
Сияет Завтра красками живыми,
Как глади реки широкой утром рано.

Приветные безоблачные дали
Над новой плодородной заблистали.
И светлы мир передо мной ложится,

И сердце бьется радостно в груди.
Стремлюсь душой к тому, что впереди,
Как к солнцу, ввысь, подсолнечник
стремится.

Перевела Е. АКСЕЛЬРОД

GAZETA LITERARĂ РАССКАЗЫВАЕТ...

КНИГИ И ПЛАНЫ

«Газета литерар» — одна из комитетов своих читателей с творческими планами румынских литераторов. Что издали над чем работают сейчас наиболее популярные писатели?

АКАДЕМИК МИХАИЛ САДОВНИК выпустил в свет 9-й том собрания сочинений.

В нем помещены повести: «Демократ», «Водички», «Родина», «Рай для другого из вестных произведений этого крупнейшего румынского писателя».

ПОЭТ ТУДОР АРГЕЗИ издал новую сборник «Песенные стихи». Книга включает как сатирические произведения о тех, кто вершил прошлую судьбы страны, так и стихи, посвященные жизни и труду, работе и отдыху.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последние годы пишущий также и прозу, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ДРАМАТИК ЛУЧИАН ДЕМЕТРЕСКИ выпустил новую пьесу «Родословная». Это галерея портретов представителей старой румынской аристократии, которая кичится своим знатным происхождением.

ПРОЗАИК ТИТУС ПОЛОВИЧ готов к печати новый роман «Митру», посвященный жизни румынского села наши дни.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в последний танке и прозе, выпустил небольшой сборник рассказов «Чужие», написанные на основе «Истории дома», действие которого протекает в годы второй мировой войны.

ПОЭТ МИХАИЛ БЕНЮК, в послед